

И. Кириллов

Третий Рим

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
И11

И11 **И. Кириллов**
Третий Рим / И. Кириллов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 106 с.

ISBN 978-5-458-56395-6

ISBN 978-5-458-56395-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

Идеаломъ политики московскихъ князей удѣльнаго періода до конца XIV вѣка можетъ служить дѣятельность московскаго князя Ивана Калиты, собиравшаго сокровища, богатаго и скупавшаго окружавшія его земли. Московскіе князья, не рисуя сложныхъ политическихъ комбинацій, просто-напросто скапливали богатства и земли въ своихъ рукахъ, не давая себѣ яснаго и опредѣленнаго отчета въ томъ, на что будетъ употреблена скопленная „свободная наличность“.

Самая организація, если можно назвать организаціей случайное и часто измѣнявшееся соотношеніе мелкихъ отдѣльныхъ удѣльныхъ княжествъ, своеобразной федераціи обособленныхъ политическихъ единицъ-удѣловъ, предопредѣляла узость и замкнутость политическихъ интересовъ отдѣльныхъ удѣльныхъ князей. Всѣ политическія злобы тогдашнихъ дней замыкались въ кругу удѣльныхъ распрей, взаимной вражды; ни у одного изъ удѣльныхъ князей не возникало идеи о Руси, какъ о чемъ-то одномъ, недѣлимомъ и цѣльномъ; наоборотъ, каждый старался усилиться на счетъ ослабленія прочихъ. Во время страшныхъ всеобщихъ бѣдствій русскіе князья все-таки не переставали враждовать между собой и въ узко згомстичныхъ цѣляхъ жертвовали благоденствіемъ своихъ подданныхъ. Подобное положеніе дѣла само собою предопредѣляло то, что изъ русскихъ княжествъ не могла въ концѣ концовъ получиться свободная, добровольная федерація въ видѣ современной Германіи, и должна была и дѣйствительно образовалась независимая и неограниченная монархія. Не въ примѣръ татаръ слѣдуетъ искать объясненія образованія русской династической монархіи, а въ томъ рядѣ упорныхъ и жестокихъ войнъ, которыя вело усиливавшееся московское княжество со своими врагами-сосѣдями, за счетъ которыхъ оно раздвигало свои граицы. Отношенія побѣдителей и побѣжденныхъ современемъ превратились въ отношенія повелителя-деспота и подданныхъ.

Благодаря частой смѣнѣ князей и принадлежности къ одной и той же національности, русскіе люди очень свыклись со своимъ новымъ положеніемъ подданныхъ московскаго царя, которое къ тому же было куда лучше и спокойнѣе, чѣмъ положеніе жителей маленькаго, слабого удѣльнаго княжества, подверженныхъ риску нападенія и беззащитнаго грабежа. Высказанныя соображенія побуждали нѣкоторыхъ по доброй волѣ переходить на сторону Москвы, подъ ея сильную защиту.

Моральное значеніе Москвы въ глазахъ всей русской земли значительно выросло и окрѣпло со времени Куликовской битвы, когда Дмитрій Донской выступилъ за предѣлы вообще русской земли и совершилъ подвигъ въ защиту всей русской земли.

„Оно (русское государство) родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты“, говоритъ В. О. Ключевскій.

Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать значенія „скопидомства“ Ивана Калиты, но необходимо замѣтить, что политика постепеннаго экономическаго мирнаго усиленія путемъ „промышленія“ была единственной возможной и практически осуществимой для небольшого и несильнаго московскаго удѣла. Безусловно, московскіе князья не стали бы покупать то, что можно было бы взять вооруженной силой.

Тѣми или иными путями собираніе Московскаго государства ко времени царствованія Іоанна III стало значительнымъ фактомъ въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ людей. Къ этому времени перестаютъ соперничать съ Москвой прежніе удѣльные центры: Тверь, Владиміръ и т. д. Главенство Москвы становится совершившимся фактомъ. Фактъ же этотъ въ высшей степени знаменателенъ и интересенъ. Московское государство явилось собою на Руси нѣчто новое, еще не бывшее, вполнѣ самостоятельное и независимое; рядомъ съ властью московскаго царя не стояло уже другой власти, власти хана Золотой Орды или власти другого удѣльнаго князя; московскій князь поднялся на невѣдомую дотошъ высоту и въ сознаніи русскихъ людей, по крайнѣй мѣрѣ, въ передовыхъ рядахъ, это явленіе произвело смѣну политическихъ идей и чуть ли не въ первый разъ выдвинуло болѣе опредѣленно отвлеченное міропониманіе.

Та огромная сила, которая реализовалась при соединеніи удѣльных княжествъ подъ главенствомъ Москвы, дала толчокъ политической мысли русскихъ людей конца XV вѣка, зародивъ впервые на Русь политическую литературу.

До сихъ поръ на Руси по преимуществу любители чтенія пользовались житіями святыхъ, въ которыхъ простымъ, немудренымъ языкомъ излагались подвиги и чудеса угодниковъ, но съ конца XV вѣка въ манерѣ составленія житій замѣчается коренная реформа: появляется витиеватость— „плетеніе словесъ“—пространныя отвлеченія въ стороны и все начинается (особенно у русскихъ авторовъ) повалакиваться дымкой, съ теченіемъ времени сгущающейся, пробуждающагося національнаго самосознанія, которое, появляясь въ такой благоприятный моментъ, какъ превращеніе Москвы— въ Московское обширное государство, получило пышный расцвѣтъ.

Оттуда, изъ вѣдръ вновь созданнаго государства, изъ глубины интуитивнаго сознанія всего величія и вначенія совершившагося факта, родилась идея величія, могущества и богоизбранности московскаго царства. Чрезвычайно скользкимъ и утрированнымъ представляется объясненіе превращенія удѣльной Москвы въ московское царство, или это „переодѣваніе“ мо-

сковскаго князя въ царскій костюмъ, нѣкоторыми историками (напр., Милюковымъ), по мнѣнiю которыхъ все это было продѣлано путемъ ловкихъ придворныхъ интригъ, какихъ-то закулисныхъ махинацій международимъ аферистовъ-левантинцевъ, идею же самостоятельности и величiя Москвы, какъ новаго избраннаго града, тѣ же историки находятъ искусственно привитой въ сознании русскаго народа путемъ официальныхъ передѣлокъ разныхъ южно-славянскихъ литературныхъ произведенiй патрiотическаго характера.

Если принять во вниманiе всю широту и глубину распространения идеи Москвы—третьяго Рима, то будетъ ясно, что немислимо было привить, при тогдашнихъ чрезвычайно ограниченныхъ путяхъ проведенiя чего-либо въ сознание массъ, упомянутую идею какими-либо официальными источниками.

Въ наше время, когда ежедневная пресса создала нервную систему чрезвычайно сильной чувствительности и раздражительности, и то статьи офицiозныхъ органовъ не только не дѣлають эпоху, а въ лучшемъ случаѣ забываются чрезъ три дня.

Извѣстная поэтическая фигуральность, олицетворенiе, краткая образная формулировка главныхъ положенiй вообще свойственна русскому творчеству, и потому еще далеко не значитъ, что русскiе книжники *копировали южныхъ славянъ*, когда приложили къ Москвѣ опредѣленiе третьяго Рима.

„Какъ видимъ, говоритъ Милюковъ, программа для Москвы, новой наслѣдницы Царьграда, была во всѣхъ главныхъ чертахъ намѣчена югославянскими прецедентами. Намѣчена была тогда же и тамъ же и самая идеология, пригодная для Москвы, въ ея новомъ положенiи“.

Далѣе, въ доказательство своей мысли, Милюковъ приводитъ отрывокъ изъ одной болгарской рукописи середины XIV вѣка:

„Все это приключилось съ старымъ Римомъ; нашъ же новый Царьградъ *) стоитъ и растетъ, крѣпится и оmlаждается. Пусть онъ и до конца растетъ,—о Царь, всеми царствующiй,—принявши (въ себя) такого свѣтлаго и свѣтоноснаго царя, великаго владыку и изряднаго побѣдоносца, происходящаго изъ корени Асѣвни, преизящнаго царя болгарь,—я разумѣю Александра прекротаго, и милостиваго, и многолюбиваго, нищихъ кормильца, великаго царя болгарь, чью державу да исчислять неисчислимыя солнца“.

Отсюда, по Милюкову, выводъ таковъ: полдѣка спустя тѣ же мысли мы находимъ и у русскаго публициста, и тѣ же даже выраженiя, слѣдовательно и самая идея Москвы—третьяго Рима не имѣеть органической связи съ самосознаниемъ русскаго народа, съ его затаенными думами и стремленiями, а всецѣло выдуманна одописцами царя Иоанна III въ видахъ шовинистической нацiональной политики.

---

*) Т.-е. Тырновъ.

Прежде всего, отбрасывая, конечно, теорію объ искусственной приввѣтѣ идеи, положительно невозможно, чтобы русскіе люди такъ горячъ заинтересовались идеей, имъ совершенно чуждой и никакимъ ихъ взглядомъ не отвѣчающей. Если бы не существовало идеи третьяго Рима въ Москвѣ конца XV в., несомнѣнно появилась бы доморощенная легенда или сказаніе, которая воплотила бы въ историческія лица мысли русскихъ людей; этъ отчасти и выразилось въ сказаніи „о бѣломъ влобужѣ“. Идея третьяго Рима—эта красивая метафора, съ богатымъ художественно-мистическимъ содержаніемъ, которая насчитывала много вѣковъ существованія, какъ разъ пришлось по душѣ русскому человѣку.

Можно навѣрняка утверждать, что русское правительство никакихъ реальныхъ правъ на наслѣдіе Византіи съ жевитъбой Іоанна III на Софій Палеологъ, приобрѣтать не собиралось и понятіе Москвы—третьяго Рима мыслилось, лишь какъ извѣстное сраженіе двухъ историческихъ величій.

Фактъ распространенности идеи третьяго Рима въ южныхъ славянскихъ земляхъ въ XIV вѣкѣ лишь показываетъ, что Москва *не впервы воспользовалась этой метафорой*. Здѣсь заимствованіе, конечно, есть, но заимствованіе *не самой идеи*, а лишь ея художественной формы, которую необходимо ясно разграничивать съ живымъ историческимъ смысломъ идеи, на что указываетъ И. Н. Ждановъ, хорошо изучившій патріотическія сказанія Московской Руси.

„Содержаніе сказаній, говоритъ онъ, объясняется кругомъ тѣхъ историко-политическихъ представленій, которыя стали обращаться въ нашей литературѣ послѣ Флорентійской уніи и особенно послѣ паденія Константинополя. Какое же значеніе имѣли всѣ эти памятники старо-московской публицистики, въ которыхъ повторялось на разные лады, что истинное благовѣріе удержалось только въ Москвѣ, что Москва—третій Римъ, а московскій князь—наслѣдникъ власти римскихъ императоровъ и т. п.? Въ этой публицистикѣ нужно различать ея живой историческій смыслъ и условную литературную оболочку. Смыслъ сказаній объ Августѣ и Прусѣ, о византійскомъ вѣнцѣ, о третьемъ Римѣ представится намъ вполне яснымъ, если припомнимъ то значеніе, которое получаетъ московское княжество при Иванѣ III и Василии Ивановичѣ. Рядомъ съ московскимъ княземъ не стало на Руси такихъ представителей власти, которые могли бы считать себя равными ему, независимыми отъ него. Силы, которыя стояли выше московскаго князя, исчезли: пала власть византійскихъ царей, пало „иго“ Золотой Орды. Московскій князь поднимался на какую-то невѣдомую высоту. Нарождалось въ Москвѣ что-то новое и небывалое. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому *опредѣленную форму*, стиль которой отвѣчалъ историческому круговору и литературному вкусу нхъ времени.

„Только эта форма и связываетъ расцвѣтъ національнаго чувства въ Москвѣ въ концѣ XV в. съ патріотическимъ подъемомъ южныхъ славянъ

въ XIV в. То обстоятельство, что мечты южныхъ славянъ были разсѣяны полчищами турокъ, и что южные славяне обратили свои взоры на усиливающуюся независимую Русь, ничего новаго въ *положеніе и развитіе идеи* третьяго Рима въ *Московскомъ государствѣ* не вносятъ и не измѣняютъ.“

Затѣмъ Ждановъ высказываетъ соображеніе, почему русскіе люди *не могли* „перерядиться“ въ убѣжденныхъ поклонниковъ Византіи и ея идеаловъ. „Придавать этой формѣ *) самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и о третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ „каеолическаго царя“, значило бы придавать слишкомъ мало дѣны русскимъ историческимъ преданіямъ, государственнымъ и церковнымъ. Можно ли думать, что среди русскихъ людей открылось какое-то особенное увлеченіе византійскими идеалами какъ разъ въ то время, когда государственной строй, ихъ воплощавшій, терпѣлъ крушеніе, когда византійскому „царству“ пришлось выслушать суровый историческій приговоръ? Наши предки долго и пристально наблюдали процессъ медленнаго умиранія Византіи. Это наблюденіе могло давать уроки отрицательнаго значенія, а не вызывать на подражаніе, могло возбуждать отвращеніе, а не увлеченіе“.

Въ объясненіяхъ большинства историковъ идея третьяго Рима получаетъ характеръ чванливости, излишней національной гордости, и весьма рѣдко видятъ въ развитіи и широкомъ распространеніи этой идеи пробуdivшійся вациональный инстинктъ, сознаніе русскаго народа, что онъ вышелъ на арену всемірной исторіи, вышелъ въ такой моментъ, при такихъ окружающихъ обстоятельствахъ, которыя *давали право* думать русскому народу, что его миссія въ исторіи—особенная, предначертанная свыше, что ему принадлежитъ особое мѣсто по отношенію къ прочимъ царствамъ, что русскій царь—хранитель завѣтовъ истиннаго православія, и что Русь послѣдній оплотъ христіанства.

II.

Идея третьяго Рима тѣмъ болѣе имѣла возможность распространиться, что ея корни глубоко уходили въ религіозно-мистическую почву, на которой умы XV и XVI столѣтій по преимуществу базировали свои воззрѣнія. Благодаря своей спорности въ деталяхъ и неопредѣленности, идея эта могла быть приложима къ тому или другому царству, которое обладало извѣстнымъ влияніемъ и могуществомъ. Эта-то неопредѣленность, присущая вообще многимъ пророчествамъ, и придавала идеѣ богоизбранности царства заманчивую конкретную, реальную форму.

Идея третьяго Рима заключаетъ въ себѣ собственно двѣ идеи: богоизбранности народовъ и преемства царствъ, которыя въ свою очередь осно-

---

*) Т.-е. формѣ идеи, что Москва—третій Римъ и наследница Византіи.

ываются на идеѣ провиденціализма—промышленія Божія о судьбахъ челоувѣчества.

Св. писаніе, тотъ источникъ, откуда люди XV и XVI вѣковъ черпали свои воззрѣнія, есть не что иное, какъ философія исторіи богоизбраннаго народа Божія—евреевъ. Въ книгѣ пр. Давіила, въ истолкованіи словъ царя Навуходоносора проводится идея преемства царствъ и богоизбранство одного изъ нихъ; во время четвертаго царства, по словамъ пророка, произойдетъ слѣдующее:

„Во дни тѣхъ царствъ, Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое вовѣки не разрушится, и царство это будетъ передано другому народу. Оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно“.

Пришествіемъ І. Христа была устранена богоизбранность іудейскаго народа—избраннымъ можетъ быть только народъ христіанскій. Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ начали толковать, что „камень, оторвавшійся отъ горы“, о которомъ говорится у пр. Давіила и который, скатившись, разрушитъ истукана—предшествовавшія царства, есть земное, мессіанское царство. Первые же четыре міровыя царства слѣдующія: вавилонское, мидо-персидское, еллино-македонское и римское; мессіанское же царство, это—христіанство, и на первыхъ порахъ царство это не носило характера этнографической, ни политической единицы и не только не разрушало четвертаго мірового царства—римскаго, но, наоборотъ, само ему подчинилось и имъ гналось. Постепенно христіанство распространялось и, наконецъ, наступило время, когда границы мессіанскаго царства и четвертаго римскаго, совпали; тогда идею вѣчнаго существованія мессіанскаго царства перенесли на четвертое римское, которое такимъ образомъ превратилось въ мессіанское; провозглашеніе христіанства господствующей религіей довершило эту метаморфозу. Такъ создалась идея вѣчнаго города Рима. Римское царство—последнее христіанское царство, паденіе котораго будетъ сопровождаться вторымъ пришествіемъ и кончиною міра. Все это было логическимъ выводомъ изъ видѣнія пр. Давіила и при тогдашнемъ направленіи умовъ имѣло острое, жизненное значеніе. Создавшееся умственное настроеніе нашло себѣ отраженіе въ литературѣ, по памятникамъ которой удобище всего знакомиться съ развитіемъ идеи мессіанскаго царства.

Исторія идеи третьяго Рима, ея видоизмѣненія тѣмъ интересны, что на ней отражались всѣ болѣе замѣтныя историческія событія въ политической жизни тогдашнихъ государствъ. Пока Византія была не отдѣлена отъ Рима, мессіанскій характеръ придавался обѣимъ половинамъ имперіи въ совокупности.

Идею „вѣчнаго Рима“ мы находимъ въ „Словѣ Ефрема Сирина и Исидора Севильскаго о послѣднемъ времени, объ антихристѣ и концѣ міра“, гдѣ высказывается мысль, что Римъ (т.-е. римское царство, такъ какъ главный городъ часто олицетворяетъ собою всю страну) будетъ существовать до конца міра, и въ этомъ словѣ мы не находимъ выдѣленія Византіи изъ римской имперіи.

Тотъ же римско-византійскій характеръ сохранился и въ „Тибуртинской легендѣ“, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ *), относится къ VII вѣку. По ея словамъ, послѣдній царь выйдетъ изъ Византіи, въ царствованіе котораго народится антихристъ и который будетъ царствовать до пришествія Спасителя.

Тотъ же взглядъ на Римъ, какъ на послѣднее предъ вторымъ пришествіемъ царство, можно встрѣтить у св. Ипполита, епископа Викторина Пиктавійскаго; въ болѣе позднее время, когда Римъ былъ уже христіанскимъ, то же мнѣніе встрѣчается у Кирилла Іерусалимскаго (V вѣкъ), въ огласительномъ поученіи котораго говорится, что въ послѣдніе времена возстанутъ десять римскихъ царей одновременно, а потомъ особо одиннадцатый, который при помощи хитрости захватитъ власть десяти.

Литературная обработка идеи „вѣчнаго Рима“ съ паденіемъ западной римской имперіи раздѣлилась на двѣ части: западную и византійскую.

Западное направленіе было гораздо слабѣе и менѣе обосновано, чѣмъ византійское. Оно выразилось въ книгѣ монаха Адео объ антихриствѣ, написанной въ 954 году для королевы Герберги. Адео исходилъ изъ идеи вѣчнаго римскаго царства, и эта идея заставляла его искать преемника римскаго наслѣдія и онъ находилъ его въ лицѣ франческаго короля, принявшаго титулъ римскаго императора. Книга Адео русскими книжникамъ не была извѣстна, но на нее необходимо указать по той причинѣ, что въ ней впервые употребленъ приемъ перенесенія идеи вѣчнаго царства, т.-е. тотъ приемъ, который впоследствии былъ употребленъ на Руси.

Византійское теченіе, по смыслу историческихъ явленій, наиболѣе обоснованное. Византія въ глазахъ тогдашнихъ людей была наслѣдницей политическаго бытія и политическихъ завѣтовъ и идей нѣкогда міровой римской державы. Идею духовнаго перенесенія представленія о вѣчности мессіанскаго царства на Византію высказываетъ Андрей Кесарійскій, умершій около 565 года; въ его толкованіи на Апокалипсисъ, между прочимъ, читаемъ:

„...главу *) же заколѣну, глаголетъ или нѣкоего отъ князь его умерщвена и приидѣвіемъ лестнымъ воскресима, или римскую державу раздѣленіемъ заколѣну въ едину испѣлити мнѣмъ по образу Августа Кесаря“.

Утверждая, что къ концу міра римское царство будетъ восстановлено въ прежнемъ объемѣ—„по образу Августа Кесаря“, Андрей Кесарійскій уже колеблется въ опредѣленіи центра восстановленной имперіи; имъ можетъ быть и старый, первый Римъ, но можетъ быть и новый, второй Римъ—Византія. Это видно изъ того, напримѣръ, что онъ апокалипсической блудницей послѣднихъ дней считаетъ и старый, и новый Римъ: „и всякъ жеждо градъ иже о убійствѣ кровій веселится... или Персія Вавилонъ, въ

*) Гутшмидтъ и Камперсъ.

*) Апокалипсическаго звѣрія.

немъ же многи была муки, или старый Римъ, или новый, или весь міръ“.

Современникъ Андрея Кесарійскаго — Козьма Индикопловъ обосновываетъ вѣчность римской имперіи на томъ мнѣніи, что римская имперія была мировымъ царствомъ во время рожденія Спасителя и что слѣдовательно римская исторія является слугою Его строенія:

„...Рече (черезъ Даниила), воздвигнетъ Богъ небесный царство, иже во вѣки не истълѣтъ; всѣмъ глаголю Владыки ради Христа, пригодно же совокупляетъ ту, иже римское царство спросивше, Владыцѣ Христу бо еще рождьшуся, державу пріять римское царство, яко слуга сый Христова строенія“.

Козьма Индикопловъ знаетъ римское царство какъ христіанское, которое будетъ стоять вѣчно, какъ вѣчно новозавѣтное царство Христа; временныя же невзгоды Козьма Индикопловъ объясняетъ какъ испытанія, посылаемыя Богомъ; затѣмъ ни мало не смущающей истиной для него является то обстоятельство, что представители новаго вѣчнаго царства второго Рима—Византіи—греки.

Еще одинъ шагъ и всѣ свойства вѣчной римской имперіи были перенесены на Византію; въ литературѣ это явленіе нашло выраженіе, между прочимъ, въ „Повѣсти о вѣрѣ и противленіи, крестившихся іудей во Африкии и Кареагенѣ“.

Въ повѣсти имѣется такой діалогъ:

„Нѣкто Іаковъ, обратившійся въ христіанство, спрашиваетъ у Іуста іудея:

„— Греческа земля како ти яяляется? Стоитъ ли яко испрва или охудѣла есть?

„Іустъ отвѣчаетъ.

„— Аще охудѣла есть малы, уповаемъ яко паки стоитъ четвертый звѣръ—греческая земля“.

Ясно видна тенденція поставить „греческую землю“ возможно выше, чтобы уравнять ее въ правахъ съ прежнимъ старымъ Римомъ. Особенно ярко это сказалось въ извѣстномъ „Откровеніи“ Мееодія Патарскаго, на которомъ необходимо немного остановиться.

„Откровеніе“ распадается на двѣ части: на описательную, гдѣ перечисляются наиболѣе выдающіяся событія за шесть тысячъ лѣтъ существованія міра, и вторая—апокалипсическая, гдѣ раскрываются судьбы царствъ въ 7-ую тысячу.

Византійская теорія „Откровенія“ состоитъ въ установленіи родственной связи между македонскимъ царствомъ и Византіей, въ лицѣ основателей этихъ царствъ. Родственная связь между упомянутыми царствами, по словамъ „Откровенія“, слѣдующая: мать Александра Македонскаго—Хузифа, она же Олимпіада, родомъ эеіопляка, по смерти своего сына возвращается къ своему отцу Фолу—эеіопскому царю. За нее сватается Визъ, основатель города „Виза“, „еже кынѣ зовомый Царь-градъ“. Отъ состоявшагося брака

у Виза и Олимпіады рождается дочь, названная имъ по имени города Византіей. Обладая замѣчательной красотой, Византія вышла замужъ за римскаго царя по имени Ромила Армадея. У послѣдняго отъ Византіи родилось три сына: Армадей, Урванъ и Клавдій.

Армадей, какъ старшій, наследовалъ Римъ, Урванъ—Византію и Клавдій—Александрию. Изъ этого положенія авторъ „Откровенія“ дѣлаетъ выводъ, что „Царство эллинское, сирѣчь греческое, еже есть сѣмени зѣиопьскаго рьякоя своея къ Богу въ послѣдній день по пророчествѣмъ проречени“.

Греческое царство есть вѣчное, месіанское царство—это основной мотивъ „Откровенія“.

Въ приведенной генеалогіи византійскаго царства есть еще одна очень интересная и важная мысль—это равенство Рима и Византіи: Армадей и Урванъ—родные братья, дѣти Византіи.

Благодаря такому равенству, Византія могла быть вполне законной и полноправной наследницей всѣхъ привилегій римской имперіи, могла быть продолжательницей ея государственнаго бытія.

Затѣмъ въ „Откровеніи“ приводится въ доказательство правъ Византіи на особое положеніе доводъ, высказанный и Козьмой Индикопловомъ: греческое царство владѣетъ главной святыней христіанства—„честнымъ дѣвцомъ крѣстнымъ, водрузеннымъ посрѣдѣ земли“, или, что то же,—греческое царство служить цѣлямъ Христовой церкви на землѣ.

Греческое царство—послѣднее, послѣ котораго наступитъ конецъ міра, о чемъ въ „Откровеніи“ сообщается въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Когда придетъ антихристъ „сынъ погибельный“, тогда:

„...взыдетъ царь греческій горѣ ка Голгоуе идеже есть верху дѣво крестное, на немъ же пригвоздися Господь нашъ и волею насъ ради претерпѣ смерть, возметъ царь греческій стемя своя и возложитъ верху креста и вождедетъ руцѣ свои на небо и предастъ царство Богу и Отцу“.

„Откровеніе“ Мееодія Патарскаго слагалось при тяжкихъ политическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Византія. Въ немъ слышатся надежды на лучшія будущія времена и патриотическая вѣра въ твердость политическаго бытія византійской имперіи.

Не только въ средніе вѣка, но и значительно позднѣе „Откровеніе“ пользовалось широкимъ распространеніемъ и интересомъ. У насъ, на Руси, въ XV вѣкѣ ходило множество списковъ „Откровенія“ между книжными людьми.

Одна изъ идей „Откровенія“ позднѣе послужила темой для русской легенды о шапкѣ Мономаха. Въ „Откровеніи“ высказана идея воплощенія царства въ образѣ царскаго вѣнца; Богъ передаетъ царство царю въ образѣ или въ символѣ вѣнца; эта-то мысль и дала русскимъ слагателямъ матеріалъ или основную мысль при созданіи легенды о шапкѣ Мономаха.

Въ одной изъ редакцій „Откровенія“ встрѣчается приписка о царяхъ, имѣющихъ царствовать въ *Цареградѣ* передъ окончательнымъ паденіемъ этого города и незадолго до пришествія Христа.

Основная мысль „Откровения“—вѣчность римскаго царства, и эта приписка о царяхъ имѣетъ цѣлью воплотить въ Византіи—*городъ* конечныя судьбы всей византійской имперіи, или другими словами—въ упоминаемой припискѣ развивается, хотя еще довольно слабо, идея „вѣчнаго города“. Византія—городъ, есть конецъ конца.

Идеи „вѣчнаго царства“ и „вѣчнаго города“ другъ друга обуславливаютъ, но вторая помогла образоваться той схематичности и фигуральности первой, благодаря которой она стала удобопереносимой на другіе политическіе центры.

Но какъ могла появиться и развиваться у грековъ идея вѣчности ихъ царства при столь неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, которыя, казалось, говорили диаметрально противоположное?

На поставленный вопросъ даетъ отвѣтъ то громадное культурное значеніе, которое имѣла Византія; въ немъ, богатомъ культурномъ достояніи, вѣршились корни идеи вѣчнаго царства; сознаніе своей культурности вело грековъ и къ политическому самосознанію и, можетъ быть, неосновательной самонадѣянности.

Указанія на то, что благодаря своей старинной и богатой культурѣ греки имѣютъ право на особое положеніе своего царства, можно встрѣтить у Козьмы Индикоплова и особенно у патріарха Фотія, хорошо понимавшаго національное сознаніе грековъ, ихъ чаянія и надежды. Свои не лишеныя интереса мысли патріархъ Фотій выразилъ въ пространномъ посланіи къ Захарію, католикусу Великой Арменіи, гдѣ, между прочимъ, говорится:

„...и св. Духъ, начиная съ первыхъ же святыхъ учителей, предпочтительно почилъ на грекахъ, а также видимъ, какъ они стяжали до пришествія Христа иную мудрость—чуждую философію“.

Далѣе патр. Фотій перечисляетъ заслуги грековъ предъ наукой и искусствомъ:

„...они открыли восемь частей грамматической рѣчи“, „четырнадцать главъ искусства краснорѣчія“, которыми они „повергаютъ въ восторгъ и изумленіе читателей“.

Патр. Фотій проводитъ также ту мысль, что греки—преемники отверженнаго Израиля, греки—народъ богоизбранный, ихъ стольный городъ Константинополь—„сѣверный Сіонъ и градъ великаго царя“, у нихъ учили апостолы, на греческомъ языкѣ написаны всѣ священныя книги, среди нихъ основаны патріаршіе престолы, на ихъ же языкѣ происходила проповѣдь христіанства, имъ ввѣрена судьба христіанскаго царства—христіанской церкви, которая пребудетъ до второго првшествия, и по этой причинѣ всѣ обѣтованія переносятся на „новый Римъ“—Византію.

„И какъ владычество Израиля, писалъ патр. Фотій, даялось до пришествія Христа, такъ и отъ насъ, грековъ, мы вѣруемъ, не отнимется царство до второго пришествія Господа нашего Ісуса Христа“.